

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ (ответ оппонентам)

О. А. Донских

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Россия

Новосибирский государственный технический университет, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

Обсуждается вопрос о возможности считать формами познания не только науку, но и религию и искусство. Представляется, что в силу многомерности каждой из указанных сфер культуры вполне можно в аспекте любой из них рассматривать другие. В свою очередь, на примере античной гармоникой обсуждается вопрос о том, что все-таки специфицирует науку как таковую. Здесь явно представлены признаки, которые выделялись в ходе дискуссии: это и специальный насыщенный терминологией язык, и эмпирические положения, и теоретические положения. Доказывается, что с возникновением науки появляется и особая идеальная реальность, не сводимая к предмету изучения. Неслучайно наука начинается с создания идеальных объектов. Отдельно обсуждается вопрос о возможности наличия разных типов мышления. Предлагается использовать термин «функциональный стиль». Обосновывается указание на то, что свободное создание новых слов, которое присуще поэтическому творчеству, позитивно влияет на философский дискурс, в рамках которого создается абстрактная лексика с максимально общей семантикой. Это позволяет строить родовидовые цепочки и, соответственно, иерархические понятийные системы. На примере герменевтики подвергается сомнению тезис о появлении гуманитарных наук в начале XIX века с их новым (по отношению к наукам естественным) отношением между субъектом и предметом исследования. Кроме того, обсуждается вопрос об определении гуманитарных наук и их отличии от наук естественных.

Ключевые слова: наука, формы познания, гуманитарные науки, функциональный стиль, уровни рефлексии

THE VISUALIZATION OF RELATIVITY (A reply to opponents)

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics and Management;
Novosibirsk Technical State University, Novosibirsk, Russian Federation
oleg.donskikh@gmail.com

The question of the possibility to consider not only science but also religion and art as forms of cognition is discussed. It seems that due to the

multidimensionality of each of the mentioned spheres of culture it is quite possible to consider the others in the aspect of any of them. This thesis is considered on the example of the figure of Stadel's Lion-man. A special situation develops during the "axial time", when the possibility of reflexive relation between different forms of social consciousness increases sharply. In turn, the example of the antique science *Harmonica* is used to discuss the question of what, after all, specifies science as such. And here those features, which were singled out in the course of the discussion, are clearly presented: this is a special language saturated with terminology, empirical provisions, and theoretical provisions. At the same time, it is proved that with the emergence of a separate science there also appears a special ideal reality, not reducible to the subject of study. It is no coincidence that science begins with the creation of ideal objects, without which the representation of the real ones proves impossible. The question of the possibility of having different types of thinking is also discussed. The use of the term *functional style* is suggested, and this allows the individual researcher to quite accurately combine different functional styles within the framework of his intellectual activity. An indication that the free creation of new words, which is inherent in poetic creativity, positively affects philosophical discourse, in which abstract vocabulary is created with maximum common semantics, is substantiated. This makes it possible to build generic chains and, accordingly, to build hierarchical conceptual systems, which was impossible in the pre-axial period. On the example of ancient hermeneutics, the thesis about the appearance of the humanities at the beginning of the 19th century with their new (in relation to natural sciences) relation between the subject and the object of research is questioned. Besides, the question about the definition of the humanities and their difference from natural sciences is discussed. And also the role of mathematics in the formation of the position of the observer is pointed out.

Keywords: science, forms of cognition, humanities, functional style, levels of reflexion

DOI 10.23951/2312-7899-2023-2-115-124

Соглашаясь с рядом принципиальных положений, сформулированных авторами, участвующими в обсуждении специфики научного знания, я хочу уточнить некоторые существенные, с моей точки зрения, моменты.

Мне сложно согласиться с тезисом Александра Болдачёва¹ о том, что религия, искусство, наука, философия, математика, мистика – это «формы познания». Здесь, с моей точки зрения, смещена пер-

¹ Статья А.В. Болдачёва «От поэзии к науке или от правил к теории» в этом номере журнала.

спектива. Познание как особый оторефлексированный вид человеческой деятельности появляется в культуре вместе с философией и наукой в «осевое время», тогда как религия и искусство существуют в культуре гораздо раньше. Под познанием мы понимаем процесс получения знаний об окружающей реальности, которые могут быть проверены. Но религия и искусство – это нечто существенно иное. Возьмем религию. Она является формой организации взаимодействия людей с природой и друг с другом, но не формой познания как такового. В процесс этого взаимодействия включается особая реальность, которая сознается ключевой частью того мира, в котором живет человек. И эта реальность может быть представлена искусством. Так, возьмем, например, фигурку человекольва из Штаделя возрастом более 30 тыс. лет². Очевидно, что эта фигурка соответствует каким-то знаниям тех, кто ее создал, и эти знания помогали людям выжить, раз они-таки выжили и дали потомство. Но такие знания получены не в процессе познания как мы его понимаем. Проверить их на соответствие реальности невозможно. А можно ли проверить на истинность рассказы Гесиода о возникновении мира?

Теперь возьмем в качестве посылки идею, что количество знаний в человеческом обществе постоянно возрастало, общество и его культура усложнялись, и этот процесс был бы невозможен без познания окружающего мира. (Совершенно очевидно, что охотники и собиратели обладали очень большим запасом знаний. Но это практическое знание существовало параллельно названным формам и вступало с ними в сложные отношения.) Тогда, конечно, и религия, и искусство содержат в себе возрастающую толику знания, и можно говорить о них и как о формах познания. Но у них это никак не является ведущим признаком, это определенная перспектива взгляда на них.

Если мы будем рассматривать науку в перспективе религии, то мы, во-первых, заметим, что наука создает свои миры, а во-вторых, что многое берется на веру, начиная с неявно предполагаемых положений (как это следует из концепции М. Полани).

Для примера возьмем одну из первых наук, возникших в Античной Греции, – гармонику. Это наука о музыке. До нас дошел, хотя

² Человеколев в государственном музее Ульма. URL: <https://web.archive.org/web/20141217225010/http://loewenmensch.de/> (zugreifen: 27.01.2023)

и не полностью, трактат IV века до н.э. «Элементы гармоник», написанный Аристоксеном Тарентским. Что мы в нем обнаруживаем? Вот отрывок, где он говорит о тонах: «Иные допускают три низших, а именно: гипофригийский, гиподорийский, дорийский, отстоящих друг от друга на три диесы, и далее затем: фригийский от дорийского вверх на целый тон, лидийский от фригийского на три диесы, миксолидийский от лидийского на три диесы; однако по какому критерию они установили расстояния между транспозиционными гаммами, – этого они не говорят. Но что такой пикн есть нечто экмелическое и в любом случае неприменимое, ясно выявится в ходе [изложения] нашей дисциплины» [Аристоксен 2006, 325–326]. Здесь я абсолютно согласен с Александром Болдачёвым: гармонику можно определить как науку, которая *«объединила в себе две языковых практики, две текстовых формы представления знаний: эмпирические высказывания об однозначно воспроизводимом явлении и теоретические высказывания, логически полученные в рамках знаковой системы, описывающей в научных терминах это явление»*. Но к этому я хочу добавить следующее: здесь описывается некая реальность, которой не было до появления гармоник как науки. Конечно, музыка звучала. Но то знание, которое представлено Аристоксеном, очевидно, является каким-то новым знанием по отношению к естественно существующей музыкальной стихии (тоже искусственной, поскольку она производится с помощью музыкальных инструментов). Вопрос: это новое знание несет в себе нечто дополнительное по отношению к описываемой музыкальной реальности или нет? Очевидно, что мы имеем дело с некоторой искусственной конструкцией, которая, как мы считаем, эмпирически соответствует музыкальной реальности (кстати говоря, Аристоксен противопоставлял свое учение пифагорейцам, которые рассматривали ту же музыкальную стихию с помощью математики и искали правильные соотношения). Но что значит «соответствует»? Учитывая тот простой факт, что мы не можем сравнивать идеальное с реальным, искусственное построение с естественным явлением, то «соответствие» означает возможность сопоставления двух идеальных представлений, взятых как реальность. А это уже нечто действительно новое. В этом аспекте наука подобна религии: формируется новая реальность, и она начинает определять характер взаимоотношений человека и определенной сферы его деятельности. Здесь мож-

но привести хорошую аналогию с языком. Грамматика – это нечто новое или нет? Да, конечно, она определенным образом представляет язык – идеальный объект, существующий независимо от говорящего и организованный по своим правилам. Но сама грамматика становится той новой реальностью, которая начинает влиять на характер использования языковых конструкций, на организацию словарей и т.п.

Стоит вспомнить и о том, что в науке возникает много идеальных объектов в виде понятий или моделей, которые существуют в своих особых системах отношений (лидером здесь является математика, но о ней чуть ниже). То есть можно вполне обоснованно сказать, что наука, как и религия, создает свою идеальную реальность, позволяющую человеку определенным образом организовать свое взаимодействие с внешним миром. Искусство в еще большей степени уходит от познания, занимаясь созданием новых артефактов и организуя искусственную человеческую среду, отличную от природной. Здесь стоит вспомнить греческое слово «искусство» – τέχνη (от него происходит слово «техника»). Но, очевидно, речь должна идти и о создании новой духовной реальности в виде литературы. Конечно, можно рассматривать искусство как форму познания, но это явно не главный его модус. С другой же стороны, можно рассматривать религию и науку в модусе искусства как деятельно-творческие формы культуры.

Я согласен с Александром Болдачёвым в том смысле, что нет разных резко отличных друг от друга типов мышления. Что в этом ключе демонстрирует язык? Из приведенного текста Аристоксена совершенно ясно, что это очень профессиональный язык определенной сферы знания, и без владения соответствующей терминологией он совершенно непонятен. Это к тезису о том, что наука появляется вместе с этой самой терминологией, которая является правильно, системно организованной, иерархической и, соответственно, новой по отношению к обыденному языку. Здесь применимо понятие *функционального стиля*. Формируется определенный стиль, которым пользуются те, кто работает в сфере науки. И этот стиль как раз и выражает специфику научного мышления. Пример из Аристоксена мне кажется вполне показательным. Возвращаясь к тезису о роли поэзии, я хочу сказать, что именно поэзия создала такую языковую ситуацию, когда нормой стало творческое отно-

шение к языку как таковому. Без этого не могли бы сформироваться другие функциональные стили. И я однозначно согласен с тем тезисом, что гуманитарные науки в такой же мере могут считаться науками, как и естественные. Если смотреть с точки зрения языка, то достаточно взглянуть на очень профессиональные языки лингвистики или литературоведения. И тогда вполне разумно говорить о том, что человек может мыслить, используя разные функциональные стили.

Я также согласен с тем, что основная заслуга философии состоит не в словотворчестве. Здесь мне следовало более точно выразить свою мысль: без словотворчества невозможно было бы построить иерархически организованные системы понятий, а именно это начали делать философы. Особенно показательные родовидовые схемы можно найти у Платона.

Если считать науку своеобразным компромиссом между эмпирическим и теоретическим, то интересно посмотреть на математику. Во-первых, математика однозначно подтверждает тезис о создании особой реальности, а вопрос о том, направлена ли эта реальность на познание внешнего мира, вовсе не очевиден. Эйнштейн говорил: «Если теоремы математики прилагаются к отражению материального мира, они не точны; они точны до тех пор, пока они не ссылаются на действительность» [Эйнштейн 1966, 83]. В мире нет идеальных объектов, которыми занимается математика. Она оперирует ими в мире чистых смыслов. Но, во-вторых, создавая свою реальность, отличную от той, которая нам дана, она в этом пересекается с другими науками. Иначе она не могла бы быть их органической частью. Я бы, скорее, рассматривал континуум наук, где с одной стороны – максимально эмпирические науки, а с другой – «невероятно эффективная» математика с ее понятиями, не имеющими референтов.

Теперь о том понимании науки, которое рассматривает в своей статье Леонид Жуков³. В представленной картине можно выделить два ключевых момента: 1) *формирование ирреального ориентира «ничто»* в рамках трансцендентальной философии Канта; 2) принципиальное различие естественных и гуманитарных наук, ясное осознание чего приходится на XIX век – с появлением последних.

³ Статья Л.Б. Жукова «Как устроена наука: визуальная ориентация в семиотическом пространстве» в этом номере журнала.

Первый момент содержательно связан со вторым, поскольку речь идет о принципиальном изменении субъекта познания. Второй связан с осознанием специфики наблюдателя в структуре научного исследования и оказывается крайне важным при осознании разницы между естественными и гуманитарными науками. Сама идея применения теории ориентации в данном контексте представляется мне очень интересной и продуктивной, и эта схема дает возможность по-новому увидеть трансформации, происходящие в науке и философии науки.

В то же время мне сложно согласиться с некоторыми положениями статьи Леонида Жукова. Во-первых, с тезисом о появлении гуманитарных наук в XIX веке. Филология в весьма развитом виде появляется в Александрии еще до начала нашей эры. В это время там же появляется грамматика, а чуть позже герменевтика, которая становится очень востребованной гностиками и отцами церкви в первые века нашей эры. В александрийской традиции мы обнаруживаем пять основных способов экзегезы Священного Писания: буквально-исторический, нравственный, теоретический, типологический и аллегорический [Саврей 2016, 10]. Это совершенно ясное осознание того, что один и тот же текст может быть интерпретирован совершенно разными способами. Учитывая сакральность текста, это особенно важно. Действительно, в терминологии наблюдателя можно говорить о том, что он способен принципиально менять позицию, и это поняли александрийские ученые – Филон Александрийский и христианские апологеты. Другой вопрос, что это не стало частью сознания научного сообщества того времени, но, как мне представляется, это не осознается и значительной частью современного научного сообщества, которое не включено в дискурс философии науки.

Кроме того, из статьи Леонида Жукова для меня не вполне понятно, какие науки он относит к гуманитарным. Если мы говорим о науках о духе в терминологии Дильтея, то он определяет их предмет как «исторически-общественную действительность», то есть, по сути дела, как культуру. Кроме того, он специфицирует их по принципу метода – в отличие от естественных наук, которые основываются на объяснении, они пользуются методами понимания и интерпретации [Дильтей 2000, 280]. Антропология и психология становятся для Дильтея основой понимания исторической жизни.

Но при этом он говорит в перспективе о иерархии наук о духе, где более простые науки станут основой более сложных, а на вершине окажется история. «Понимание каждого момента истории требует объединения средств различных наук о духе, начиная с антропологии. Когда Ранке говорит, что готов отказаться от собственного “Я”, чтобы увидеть вещи такими, какими они были на самом деле, его слова с исключительным изяществом и силой выражают глубочайшее стремление истинного историка к объективной реальности. Однако опорой такого желания непременно должно быть стремление к научному познанию психических единств, из которых эта реальность и состоит, познанию устойчивых форм, единств, в этой реальности развивающихся и являющихся носителями исторического прогресса. Иначе ему не овладеть этой реальностью: ведь она ускользает от невооруженного взгляда и может быть схвачена только в анализе, в расчленении» [Дильтей 2000, 372]. Таким образом, для Дильтея сам предмет наук о духе оказывается принципиально отличным от предмета наук о природе, поскольку он постигается субъектом, осознающим себя, но логика построения этих наук как системы остается для него такой же. А это означает, что субъект научного познания остается таким же, как и в естественных науках. Он с успехом отстраняется от самого себя как объекта познания. Он становится данностью для самого себя, и формула «позиции => схемы => данности» вырастает до формулы «позиции => схемы => данности => позиции => схемы => данности», т.е. выход на следующий уровень рефлексии означает, что процесс познания трансформирует предмет познания и, соответственно, требует следующей итерации.

Возвращаемся к вопросу о том, какие науки являются гуманитарными. «Исторически-общественная действительность» Дильтея уже по определению гораздо шире, чем «науки о духе», и включает в себя все научные дисциплины от лингвистики до экономики. Кстати говоря, Дильтей именно в связи с языкознанием говорит об условности деления наук на два класса – о природе и о духе. Язык, очевидно, является элементом культуры, а не природы, но он обладает фонологическими и грамматическими структурами, которые никак не зависят от позиции отдельного исследователя и являются настолько же объективными, как факты природные. И как здесь можно провести границу между гуманитарными и естественными

науками? Марк Блок писал: «Кинетическая теория газов, эйнштейновская механика, квантовая теория коренным образом изменили то представление о науке, которое еще вчера было всеобщим. Представление это не стало менее высоким – оно сделалось более гибким. На место определенного последние открытия во многих случаях выдвинули бесконечно возможное; на место точно измеримого – понятие вечной относительности меры» [Блок 1973, 14]. От абсолютного наука ушла к возможному, от безусловного к условному, поскольку было осознано, что процесс познания определяется человеческой культурой, частью которой для человека оказывается исторически по-разному понимаемая им природа. И я думаю, что неслучайно Марк Блок в качестве причины изменения образа науки приводит достижения в области естественных наук, а не гуманитарных.

Здесь необходимо вспомнить еще и о том важном сдвиге в сознании ученых, который произошел в связи с открытием неевклидовых геометрий. Осмысление этой ситуации напрямую ведет к идее множества миров и новому обращению к логике возможных миров Лейбница. А если еще раз вспомнить об эффективности математики – учения о чистых смыслах – и ее роли в формировании научного мировоззрения, то относительность очевидно распространяется и на соотношение гуманитарных и естественных наук. А кантианская априорность оказывается заключенной в культуре с ее ценностными основаниями, что, собственно, показали неокантианцы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристоксен 2006 – Аристоксен. Элементы гармоники (фрагмент) // От Гвидо до Кейджа. Полифонические чтения : по материалам научной конференции 24 февраля 2005 года. М. : ТС-Прима, 2006. С. 315–337.
- Блок 1973 – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1973.
- Дильтей 2000 – Дильтей В. Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. С. 270–730.
- Саврей 2016 – Саврей В. Я. Методы интерпретации текста священного писания // Идеи и идеалы. 2016. № 4, ч. 1. С. 9–22.
- Эйнштейн 1966 – Эйнштейн А. Собрание научных трудов : в 4 т. М. : Наука, 1966. Т. 2.

REFERENCES

- Aristoxen. (2006). Elementy garmoniki (fragment) [Elementa harmonica]. In N. I. Tarasevich (Ed.), *Ot Guido do Keydzha. Polifonicheskie chteniya. Po materialam nauchnoy konferentsii 24 fevralya 2005 goda* [From Guido to Cage. Polyphonic readings. Proceedings of the conference on February 24, 2005] (pp. 315–337). NPF “TS-Prima”.
- Blok, M. (1973). *The apology of history*. Nauka. (In Russian).
- Dilthey, W. (2000). Introduction to the human sciences. In A. B. Mikhaylov, & N. S. Plotnikov (Eds.), *Collected works in 6 volumes* (vol. 1., pp. 270–730). Dom intellektual'noy knigi. (In Russian).
- Einstein, A. (1966). *Collected scientific works: In 4 volumes* (vol. 2). Nauka. (In Russian).
- Savrey, V. Ya. (2016). Metody interpretatsii teksta svyashchennogo pisaniya [Methods of interpreting the text of the Scripture]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 4(1), 9–22.

Материал поступил в редакцию 14.11.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 10.01.2023